

КВЖД И РУССКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

В. П. Пашин

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

В статье, на основе анализа впервые вводимых в научный оборот документов Центрально-го архива Службы внешней разведки, проводится анализ сложной политической обстановки вокруг КВЖД во второй половине 1920-х гг., в орбиту которой были вовлечены эмигранты — специалисты из России. Показывается пагубность классовой политики проводимой советским государством в отношении как изгнанных специалистов-эмигрантов из СССР, так и бывших участников белого движения. Выявленные документы показывают, что даже в столь сложных условиях, часть эмиграции не утратила патриотических настроений в отношении экономических интересов СССР. Тем самым разрушаются устоявшиеся стереотипы советской и части современной отечественной историографии о тотальной враждебности всей белой эмиграции.

Ключевые слова: КВЖД, белая гвардия, эмиграция, патриотизм, специалисты.

Трагедия белой эмиграции была связана не только с поражением в гражданской войне 1918—1920 гг., но и с лишением перспективы вернуться на Родину. Преследованием (по мере возможностей) советским государством белой эмиграции на чужбине. Последнее можно увидеть на примере их работы на Китайской Восточной железной дороге. Проводимую советским правительством политику проанализируем на основе рассекреченных в постсоветское время документов, извлеченных из фондов архива Службы внешней разведки РФ. Среди них: сводки агентурных сведений Контрразведывательного отдела Полномочного представительства ОГПУ на Дальнем Востоке, Сообщение Контрразведывательного отдела ОГПУ в Китае с текстом статьи из газеты «Сунь-дзян-и-бао» о ходе кадровых реформ на КВЖД, Сводка харбинской резидентуры Контрразведывательного отдела Полномочного представительства ОГПУ на Дальнем Востоке о настроениях русских военных и гражданских эмигрантов в связи с возможными конфликтами между СССР и Китаем из-за КВЖД, Агентурное сообщение берлинской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ о причинах ареста управляющего КВЖД А. Н. Иванова, Сообщение пекинской резидентуры Иностранного отдела ОГПУ о просоветских настроениях среди белых русских эмигрантов в Харбине.

На КВЖД имелось достаточно большое количество бывших граждан России, поступивших на службу в результате вынужденной эмиграции. Так, к началу 1925 г. только полицейскими в железнодорожной полиции служили 351 человек, в том числе из бывших солдат и офицеров белой армии — 220 человек. При этом почти 75 % русских полицейских были зачислены на службу китайскими властями. Хотя в процентном отношении их было не много — чуть более 14 % от общего числа служащих¹ [1, л. 30]. А общее число служащих на КВЖД из «бывших» колебалось в пределах 3—4 тысяч [2, л. 42].

¹ Подсчитано автором по материалам Центрального архива службы внешней разведки РФ.

Но даже это в процентном отношении небольшое количество служащих не дает покоя представителям советского государства. В марте 1925 г. китайскими властями, под давлением настойчивых требований СССР, издается приказ, который обязывал никого на службу из представителей русской национальности не принимать, а «замещать эти места китайскими подданными» [3, л. 305].

С советской стороны (администрацией КВЖД) так же издаются приказы об увольнении всех служащих, которые не состояли в китайском или советском подданстве, то есть белоэмигрантов. Это был знаменитый приказ № 94, подписанный управляющим с советской стороны КВЖД А. Н. Ивановым, и взбудораживший практически всю белую эмиграцию. С юридической точки зрения приказ был составлен достаточно грамотно. Своим содержанием он не стремился заставить русских служащих перейти в подданство СССР, а предоставлял им право выбора — подданство СССР или Китая. Подобные требования документ обосновывал необходимостью привлечения на работу на стратегически важный объект только граждан тех стран, которые непосредственно его использовали или им владели. (В 1924 г. СССР и Китайская республика подписали «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой». В соответствии с Соглашением в обмен на ликвидацию российских концессий в Харбине, Тяньцзине и Ханькоу китайская сторона обязывалась не передавать эти права третьим государствам. А КВЖД по-прежнему оставалось под обслуживанием и управлением советской стороны при соблюдении ряда юридических тонкостей).

Формально в действиях управляющего железной дорогой не было ничего противозаконного. Однако здесь был небольшой юридический нюанс, несмотря на постоянные его отсылки к Соглашению 1924 г. Подобный приказ не мог быть издан без предварительной санкции правления дороги. Иванов издал приказ самостоятельно, без участия китайской стороны, так как был уверен,

что правление дороги не утвердит его по причине незначительного влияния в нем большевиков. В виду подобной коллизии китайская сторона правления публично была возмущена подобными действиями. В китайских газетах осуждались бесцеремонность и самоуправство советской стороны управления железной дороги. Однако далее публичной оценки дело не сдвинулось. Шум в китайской прессе быстро затих, а приказ не только не был отменен, но и продолжал реализовываться на практике.

Острые данного приказа однозначно было направленно против «белогвардейского элемента». Сведения о недавнем прошлом эмигрантов собирались и ранее и в большом объеме. Но они не систематизировались, не обобщались и не анализировались. Анкетные вопросы были таковыми, что нередко противоречили общим доктринальным установкам лидеров большевизма, где участник стороны белой гвардии однозначно являлся только врагом отечества и советской власти. Хотя анкетные данные и показывали, что в белую гвардию человек был нередко демобилизован насильно, в активных боевых действиях против красноармейцев участия не принимал. Подобная информация подтачивала идеологические стереотипы большевизма.

Новые анкетные вопросы уже носили не конкретный характер, а субъективно-оценочный. Все зависело от субъективного мнения проверяющего, которым партийно-коммунистическими органами четко давались политические установки — «бывших» в советскую Россию не допускать, а их переход в советское подданство обставлять очень большими требованиями — препятствиями.

Без гроша в кармане, не имея перед собой перспективы получения советского гражданства, с целью сохранения единственного источника пропитания — рабочего места на КВЖД — они стремились перейти в китайское подданство, что однозначно означало приобщение к чужой культуре, языку, религии... Не каждый человек мог психологически быстро перестроиться на подобное резкое изменение статуса. Но этот путь оказался предпочтительным почти для 80 % «вне подданных» служащих дороги. Только 20 % служащих из белоэмигрантов предполагали принять либо советское подданство, либо оставить службу на дороге.

Однако китайские власти так же не стремились давать русским свое подданство. Вопрос заключался не только в политической конъюнктуре. В силу Соглашения русских и китайцев по подданству должно было находиться на службе КВЖД в равных пропорциях. Следовательно, при переходе русских в подданство Китая, новоиспеченные китайские подданные из русских могли заполнить рабочие места, отведенные по квоте китайцам. Коренные граждане Китая «остались бы за бортом службы КВЖД». Поэтому китайские власти также стремились ограничить прием старых служащих КВЖД в китайское подданство, предоставляя им права китайских граждан только в крайних случаях.

В любом случае приказ № 94 явился детонирующим фактором. По мере приближения 1 июня,

дата увольнения всех служащих без гражданства со службы на КВЖД, обстановка в Китае (Харбине) накалялась [4, л. 118; 5. л. 186; 167—168]. Антисоветски настроенные офицеры бывшей белой гвардии готовились к вооруженным столкновениям.

Однако советское руководство не желало отступать от принципов приказа № 94. Это видно, например, из сводки контрразведывательного управления ОГПУ о взаимоотношениях Китая и СССР от 24 июня 1925 г. Здесь проводится анализ письма Гоу Си Гу на имя Чжан-Фу-Сыня (редактора газеты «Гоцзике-бао») [6, л. 118—119]. Гоу Си Гу становится известно о намечающихся мероприятиях СССР по отношению к КВЖД. В частности, чтобы все главные должности на железной дороге замещались исключительно гражданами СССР, очистить аппарат от всех старослужащих, так называемых белых. Далее еще перечислялись многие тезисы подобной политики Москвы в отношении не только служащих КВЖД, но и в целом Китая.

Подобная негативная информация стала достоянием гласности. Словесные заверения советского правительства не удовлетворили китайские власти. Китайское руководство, стремясь показать гуманизм собственной политики, формально стало на защиту русских беженцев. В январе 1926 г. ставленник западноевропейских стран маршал Чжан-Цзо-Лин отдает приказ об аресте Иванова, управляющего КВЖД [7, л. 34]. Первоначально против него пытались даже сфабриковать уголовное дело по делу о расхищении средств КВЖД. Но подобные действия не увенчались успехом. Его арестовывают как главного проводника коммунистической пропаганды на территории Китая, то есть фактически ему вменяли вмешательство во внутренние дела суверенного государства. В конце марта 1926 г. все выборные органы в Харбине были расформированы, вместо которых образовали временный комитет, куда вошли только китайцы.

Однако управлять столь сложным хозяйством не специалистам китайцам было достаточно сложно. Поэтому на службу вновь привлекается бывший царский инженер Б. В. Остроумов, обещавший вернуть на работу ранее всех служивших на КВЖД.

Советское правительство, стремясь уладить острый конфликт по вопросу КВЖД с руководством Китая, грозящий перерасти в военное столкновение двух государств, соглашается с требованием увольнения Иванова, как и еще ряда советских чиновников, которые пришлось «не по духу» маршалу Чжан-Цзо-Лину или его представителям в Северной Маньчжурии. Советское правительство вместо Иванова назначает бывшего партийного комиссара Емшанова. Емшанов ведет себя очень осторожно, не желает создавать новых инцидентов с китайскими членами правления КВЖД. Прекратились гонения на лиц, не имеющих подданства, то есть бывших белогвардейцев. Даже антисоветски настроенные специалисты стали вновь приглашаться на службу советской стороной КВЖД. Но подобные действия уже не носили массового характера. Это были единичные факты, широко пропагандируемые советской прессой. Об-

щая политика классового подхода к специалистам оставалась неизменной.

При подобной общей обстановке вокруг КВЖД, проводимой как советским руководством в Китае в отношении белой эмиграции, так и китайским руководством, у беженцев оставалось фактически три реальных выхода. Первый. Принять китайское или советское подданство. (Что было крайне затруднительно и имелись только единичные факты.) Второй. Поступить чернорабочими в хозяйственные общины. Третий. Уходить в Забайкалье, то есть бандитствовать.

Нельзя говорить, что любое обострение положения СССР на мировой арене встречало одобрение всей белой эмиграцией. Автор выявил очень интересный документ о настроениях среди белых русских эмигрантов в Харбине в связи с обострением отношений между СССР и Китаем по вопросу КВЖД и возможной ее передаче последнему. Документ заслуживает внимания и доверия, так как он написан пекинской резидентурой Иностранного отдела ОГПУ [8, л. 34]. Так, здесь сообщается, что даже среди правого крыла белой эмиграции шли ожесточенные споры по данному вопросу. Они высказывали мнение, что подрыв авторитета советского представительства в Китае может отразиться на национальных интересах России. А переход КВЖД в руки китайцев — с одной стороны выбьет почву для дальнейшей пропаганды большевизма, а, с другой — нанесет непоправимый вред общему русскому национальному делу. Поэтому даже в этой среде высказывалась точка зрения за поддержку советской власти в части национальных интересов страны. В связи с подобной дилеммой, в случае войны Китая и СССР, часть из них рассуждала о перспективах эмиграции в другие страны, в частности в Японию. Воевать на стороне Китая они не смогли бы по патриотическим причинам, а советская сторона их не принимала.

Подобный факт размывает традиционный миф советской историографии о контрреволюционных настроениях всей белой эмиграции.

В 1929 г. КВЖД фактически захватывается Китаем. Арестовывается свыше 200 советских служащих дороги, часть из которых (командированных советских специалистов) депортируют в СССР. Только после похода Особой краснознаменной дальневосточной армии вдоль трассы КВЖД (в декабре 1929 г.) вновь восстанавливается статус-кво. Не усматривая перспектив сохранения контроля над КВЖД, в 1935 г. СССР ее продает правительству Маньчжоу-го, возвратив ее вновь под свое управление в 1945 г. В 1950 г. в рамках Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи подписывается новое соглашение о КВЖД. Окончательно российская история КВЖД была завершена в 1952 г.

Таким образом, КВЖД сыграла немаловажную роль в сохранении жизни российской белой диаспоры в 1920—1930-е гг. Однако это была жизнь людей, находящихся под постоянным психологическим стрессом. Политика советского государства в отношении эмигрантов из России была достаточно стереотипна. Практически все белоэмигранты (как военнотруженики, так и гражданские специалисты, как добровольно ушедшие на войну с новым режимом, так и насильно мобилизованные) автоматически причислялись к врагам советского государства. Эмигрантов не только не оставляли в «покое», но и стремились на территории других государств создавать им невыносимые условия проживания.

Список источников

1. ЦА СВР РФ. Арх. № 148.
2. ЦА СВР РФ. Арх. № 17318. Т. 3.
3. ЦА СВР РФ. Арх. № 106.
4. ЦА СВР РФ. Арх. № 109.
5. ЦА СВР РФ. Арх. № 117. Т. 1.
6. ЦА СВР РФ. Арх. № 110.
7. ЦА СВР РФ. Арх. № 456. Т. 1.
8. ЦА СВР РФ. Арх. № 651.

ПАШИН Василий Петрович, доктор ист. наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Курский государственный университет (г. Курск). E-mail: pashinvp@mail.ru

Поступила в редакцию 7 июня 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180318

CER AND RUSSIAN WHITE EMIGRATION (SECOND HALF OF THE 1920s)

V. P. Pashin, pashinvp@mail.ru
Kursk State University, Kursk, Russian Federation

In the article, based on the analysis of documents of the Central Archive of the Foreign Intelligence Service for the first time introduced into scientific circulation, an analysis of the complex political situation around the KVZhD in the second half of the 1920s is conducted, into the orbit of which emigrants from Russia were involved. It shows the perniciousness of the class policy pursued by the Soviet state with regard to both expelled exile experts from the USSR and former participants in the White movement. The documents revealed show that even in such difficult conditions, some of the emigres did not lose patriotic feelings about the economic interests of the USSR. Thus, the